Научная статья

УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-346-364
https://elibrary.ru/GVMXLK

ПУБЛИКАЦИИ ИВАНА САВИНА В ЖУРНАЛЕ «ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ» (1923)

© 2025 г. Л.Ф. Луцевич

Аннотация: Иван Савин (Саволайнен, 1899–1927) — поэт, прозаик, оказавшись в эмиграции в Финляндии, активно сотрудничал с русскоязычными изданиями Гельсингфорса, Ревеля, Риги, Берлина, Белграда, Парижа, создал «Кружок русской молодежи в Финляндии» (1923–1926), предпринял попытку издания «органа русской молодежи» — журнала «Дни нашей жизни» (1923 г.). В статье внимание сосредоточено на анализе ряда публикаций Савина, представленных в первом номере журнала в различных формах (лирические стихотворения, политическая публицистика, художественная проза). Обращаясь к недавнему прошлому, резко изменившему судьбы русских людей, Савин-публицист сконцентрировался на проблемах революции и контрреволюции, взаимоотношений интеллигенции и народа, дальнейших судеб России, ответственности эмиграции за сохранение «вечных русских ценностей». В результате проведенного исследования выявлено: «Дни нашей жизни» мыслились Савиным как авторский проект, цель которого состояла в том, чтобы четко сформулировать и однозначно выразить суть «Белой идеи» (антибольшевизм — духовная доминанта русской эмиграции) и активизировать силы молодых единомышленников на борьбу за спасение России. Эта направленность пронизывает все публикации первого номера журнала.

Ключевые слова: И.И. Савин, журналистика, публицистика, «Белая идея», молодежь, революция, контрреволюция.

Информация об авторе: Людмила Федоровна Луцевич — доктор филологических наук, профессор, Варшавский университет, ул. Краковское предместье, д. 26/28, 00-927 г. Варшава, Польша.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6340-2598
E-mail: l.lutevici@uw.edu.pl

Для цитирования: *Луцевич Л.Ф.* Публикации Ивана Савина в журнале «Дни нашей жизни» (1923 г.) // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2025. Вып. 3 / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 346–364.
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-346-364

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

PUBLICATIONS BY IVAN SAVIN IN THE MAGAZINE “DAYS OF OUR LIVES” (1923)

© 2025. Lyudmila F. Lutsevich

Abstract: Ivan Savin (Savolainen, 1899–1927) — a poet and prose writer, having found himself in exile in Finland, actively collaborated with Russian-language publications in Helsingfors, Revel, Riga, Berlin, Belgrade, Paris, created the Russian Youth Circle in Finland (1923–1926), attempted to publish the “organ of Russian youth” — the magazine *Days of Our Life* (1923). The article focuses on the analysis of a number of Savin’s publications, presented in various forms (lyric poems, political journalism, fiction) in the first issue of the magazine. Turning to the recent past, which dramatically changed the destiny of the Russian people, Savin the publicist focused on the problems of revolution and counter-revolution, the relationship between the intelligentsia and the people, the future of Russia, and the responsibility of emigration for the preservation of “eternal Russian values.” As a result of the study, it was revealed that: *Days of Our Lives* was conceived by Savin as an author’s project, the purpose of which was to clearly

formulate and unambiguously express the essence of the “White Idea” (anti-Bolshevism is the spiritual dominant of the Russian emigration) and to activate the forces of young like-minded people to fight for the salvation of Russia. This focus permeates all publications in the first issue of the journal.

Keywords: I.I. Savin, journalism, publicism, “White Idea”, youth, revolution, counter-revolution.

Information about the author: Lyudmila F. Lutsevich, DSc in Philology, Professor, Warsaw University, Krakowskie Przedmieście St., 26/28, 00-927 Warsaw, Poland.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6340-2598
E-mail: l.lutevici@uw.edu.pl

For citation: Lutsevich, L. “Publications by Ivan Savin in the Magazine ‘Days of Our Lives’ (1923).” *Emigrantica*. Issue 3, ed.-comp. E.R. Ponomarev, acad. ed. E.R. Ponomarev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 346–364. (In Russian)
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-346-364

Иван Иванович Савин (Саволайнен, 1899–1927) — поэт, прозаик, публицист, деятельный выразитель «Белой мечты» [28, с. 208]. Неизменная приверженность Белой идее [7, с. 3], автобиографичность, искренность, исповедальность нашли свое выражение в поэзии, «полной своеобразности», «красоты и силы» [11, с. 3], в самобытных «задумчивых и грустных рассказах» [20, с. 2], которые и привлекают преимущественно внимание исследователей. Менее известны и, соответственно, менее изучены журналистика и публицистика Савина, где он стремился выразить основные идеи своего времени. В данной статье предпринята попытка рассмотреть ряд публикаций Ивана Савина в первом номере задуманного им журнала «Дни нашей жизни» (1923).

Будущий поэт родился в Одессе, детство и юность (1906–1919) провел в маленьком городке Зенькове Полтавской губернии. Уже в гимназические годы он пробовал свои силы в стихах и в прозе, однако непосредственно литературной деятельностью занялся фактически после эмиграции в Финляндию (по отцовской линии Иван Саволайнен имел финские корни). В автобиографии, написанной 3 июня 1923 г. в Гельсингфорсе, Савин сообщил о себе следующие данные: «окончив в 1919 г. Зеньковскую мужскую <…> гимназию

<…> я был зачислен в число студентов Харьковского Императорского Университета и вступил <…> в ряды Добровольческой Армии, в которой и сделал южнорусскую, кавказскую и крымскую кампании <…>. В момент оставления Крыма Русской армией <ноябрь 1920 г. — *Л.Л.*> я, больной тифом, находился в городе Джанкое, в лазарете, который <…> эвакуирован не был, и поэтому вместе со всеми <…> больными и ранеными <…> попал в плен <…>. После многочисленных особых отделов, чрезвычайных комиссий, голода, издевательств и истязаний я бежал из плена <в 1921 г. — *Л.Л.*> и прибыл в прошлом году <1922. — *Л.Л.*> в Финляндию, где 8 месяцев восстанавливал в больнице свое здоровье, подорванное нравственными страданиями (гибелью моих 4-ех братьев) и чрезвычайкой в красных застенках»[1].

Обосновавшись в финской столице, Савин сблизился с кругом русских эмигрантов и в новых условиях обратился к литературной деятельности. Осенью 1922 г. он начал печататься в гельсингфорских «Русских вестях», где 29 октября опубликовал стихотворение «Возмездие»:

Войти тихонько в Божий терем
И, на минуту став нездешним,
Позвать светло и просто: Боже!
Но мы ведь, мудрые, не верим
Святому чуду. К тайнам вешним
Прильнуть, осенние, не можем.

Дурман заученного смеха
И отрицанья бред багровый
Над нами властвовали строго.
В нас никогда не пело эхо
Господних труб. Слепые совы
В нас рано выклевали Бога.

И вот он, час возмездья черный,
За жизнь без подвига, без дрожи,
За верность гиблому безверью
Перед иконой чудотворной,
За то, что долго терем Божий
Стоял с оплеванною дверью! [22, с. 3].

[1] Библиотека-Фонд «Русское Зарубежье». Ф. 13. Оп. 2. Ед. хр. 1663. С. 7.

Собирательное «мы» в стихотворении — это русская учащаяся молодежь 1910-х гг., савинское поколение, — «безусые гимназисты и реалисты», среди которых «поругивать “самодержавный гнет” считалось <…> хорошим тоном»; они усердно читали «Маркса, Лассаля, Каутского, Плеханова, Бакунина», впитывая прежде всего «отрицанья бред багровый»; а во время октябрьской революции «добивали “царский режим”: выбрасывая во имя культурных нужд директоров из квартир, а древние языки, Закон Божий <…> и прочую “дребедень” — из школьной программы» [24, с. 11]. Лирический герой стихотворения с опозданием, но осознал библейское назидание: «беззаконнику — горе, ибо будет ему *возмездие* за дела рук его» (Ис. 3:11). *Возмездие* — неизбежная кара, расплата, наказание, настигает героя за «гиблое безверье», за бездумное небрежение христианскими идеалами, ценностями, обязанностями, за духовно-нравственное растление, за утрату Бога в душе своей.

Для самого Савина, много испытавшего, пережившего и передумавшего к 1922 г., истинную основу человеческого бытия определяет уже не юношеский нигилизм, а религиозная доминанта, которая невозможна без веры в Бога, соответственно и творчество мыслилось молодым поэтом как универсальный способ создания и передачи в первую очередь глубинных христианских смыслов. Поэзия Савина базируется на «православной системе ценностей», «христианских традициях», «литургическом мировосприятии», «образах библейской истории, эстетике храмового действия» [2, с. 17–18]. Поэт обладал высокой «личной и авторской честностью», дорожил «правдивостью» и «искренностью», нес в себе «неумирающие порывы к небу, к Богу» [20, с. 2].

Стихотворение «Возмездие», как и некоторые другие произведения «русского финна», перепечатывались эмигрантскими изданиями, а имя автора постепенно обретало скромную известность в литературном зарубежье. Благодаря позитивному восприятию соотечественниками творчества молодого писателя, его литературная деятельность становилась все более интенсивной и разнообразной. Людмила Савина-Сулимовская (супруга Савина с 1924 г. — *Л.Л.*), в предисловии [28, с. 6–10] к книге «Только одна жизнь» вспоминала: «Савин начинает печататься в местной <…> газете — “Русские вести” <…> начинает писать фельетоны, воспоминания, стихи, и сразу же <…> завоевывает любовь и уважение всей русской колонии. <…> <Публикуется> в газете “Сегодня” (Рига), “Руль” (Берлин), “Новое время” (Белград), “Возрождение” <…> <, журнале>

“Иллюстрированная Россия” (Париж), и был представителем почти всех эмигрантских газет» [28, с. 8]. Эдвард Хямяляйнен отмечал, что «только в гельсингфорских газетах Иван Савин опубликовал за неполные четыре года 25 стихотворений, 26 прозаических вещей и 34 статьи» [5]. Новейшие разыскания выпускника Педагогического института Хельсинкского университета Йенса Хаттуниеми (Jens Hattuniemi), представленные в магистерской диссертации, значительно расширяют состав опубликованных текстов. Автор диссертации указывает: «Публикация Ивана Савина в русскоязычной прессе Хельсинки в 1922–1927 гг. охватывает 144 индивидуальных текста: 30 статей, 29 стихотворений, 25 рассказов, 15 фельетонов, 13 рецензий, 12 очерков, 4 отрывка, 3 письма, 3 заметки, 3 некролога, 3 главы, 1 сказку, 1 силуэт, 1 воспоминание и 1 этюд. Он писал для четырех журналов с 29.10.1922 до 12.4.1927 гг.: “Русские вести” 16.6.1922–31.10.1923 гг., “Новые русские вести” 16.12.1923–24.6.1926 гг., “Листок русской колонии” 13.3.1927–24.4.1927 гг. и “Дни нашей жизни” с мая 1924 <(должно быть: 1923. — *Л.Л.*)> года до февраля 1925 года. Большинство из текстов опубликованы в журнале “Новые русские вести”, общим числом 94 произведения. В журнале “Русские вести” опубликовано 29 текстов, в журнале “Листок русской колонии” — только один текст, и в журнале “Дни нашей жизни” — 20 текстов» [6, с. 24].

Иван Савин, несмотря на подорванное здоровье (в результате избиений в «красном плену» он стал заикаться, мучительно и подолгу болел, впадая в тяжелую депрессию), выступал не только как литератор, но и как организатор эмигрантской молодежи: в 1923 г. он инициировал создание «Кружка русской молодежи в Финляндии» (1923–1926). В «Кружке» возникла идея издания печатного органа, название которого придумал Савин, он же стал и его литературным редактором (ответственным редактором числился К.А. Бергман). 19 апреля 1923 г. газета «Русские вести» поместила объявление: «В скором будущем выйдет в свет и поступит в продажу первый номер ежемесячного журнала “Дни нашей жизни”, издаваемого “Кружком русской молодежи”» [19, с. 4]. И действительно, уже 25 мая в продажу поступил 1-ый номер журнала. Стало очевидно: Савин выполнял не только функцию редактора и идейного вдохновителя, но и автора большинства материалов, подписанных разными псевдонимами, хотя и достаточно прозрачными: Зеньковский (жил в г. Зенькове), Жан Жаныч (реальные имя и отчество: Иван Иванович), Junior (Младший; его отец в эмиграции тоже публиковался в периодике — Senior).

Савин-журналист, убежденный в том, что «свободное слово там, в бывшей России, давно уже расстреляно», возлагал «задачу огромной важности» на белогвардейскую прессу, считая, что в сложившихся условиях только она, «верно служа своему народу», способна рассказать миру «правду о советском рае», который, по его мнению, «не сегодня-завтра с грохотом рухнет». Причисляя себя к «работникам свободного могучего русского слова», автор брал на себя право «с открытым забралом сражаться во тьме за свет, на чужбине — за Россию» [26, с. 2–3]. «Свет» однозначно соотносился с Белой идеей, созревшей в духе русского православия, под знамя которой и должны встать все, кому дороги любовь к родине и ее честь. Савин обратился к политической публицистике, поскольку считал необходимым публично высказать свое отношение к свершившемуся «историческому апокалипсису», главному событию эпохи — Октябрьской революции, — разрушившему отчизну и резко изменившему судьбы миллионов русских людей. Центральное место в его творческих размышлениях заняли проблемы участия молодежи в революции (приобретения и утраты), взаимоотношения интеллигенции и народа и шире — падения и возрождения России. Свершившаяся катастрофа «сверлила мозг», звала к осмыслению произошедшего, обусловливала потребность познать, понять, объяснить гибель огромной страны и немыслимые трагедии сотен тысяч ее граждан, а главное — определить: что делать здесь и сейчас? как жить дальше? с кем и куда идти? Савин не стремился к четкой формулировке целей и задач задуманного им журнала, но из анализа материалов, опубликованных им в периодике, очевидно, что ему близки суждения И.А. Ильина о специфике эмигрантской прессы, ее значимых концептах и задачах. Философ писал: «В эмиграции люди должны прежде всего одуматься, прийти в себя от *пережитой катастрофы*, понять сущность нашего *национального крушения*, по-новому увидеть *исторические корни России*, *укорениться в вере* и обновить свой *внутренний уклад*, недостатки которого привели страну к катастрофе. Эмиграция дается не для эмоционального кипения в бесплодной ненависти, а для *духовной мобилизации сил*, без которой вся борьба с врагом поведет только к бестактностям и вредным глупостям» [14, с. 20][2]. По сути, мнения Ильина и Савина совпадают: 1) в общей оценке свершившейся революции — это *катастрофа, национальное крушение*; 2) в понимании значимости обновления *внутреннего уклада*, т. е. духовной жизни русских людей в условиях зарубежья, когда чрезвычайно

[2] Здесь и далее в статье курсив мой. — *Л.Л.*

важно актуализировать свои культурно-исторические основы и в первую очередь *укорениться в вере*; 3) в осознании необходимости *духовной мобилизации* всех белых сил, способных противостоять большевизму; при этом 4) возникает острая потребность в «независимой, национальной, честной и идейной газете» [14, с. 21]. То, что Ильин как философ выразил кратко и четко, Савин как поэт выразил более развернуто в разных по жанрам и стилям журнальных публикациях — образно и эмоционально.

В первом номере журнала «Дни нашей жизни» большинство материалов принадлежит ему: на первой странице размещена его редакционная статья, на странице 8 — стихотворение «*Я — Иван, не помнящий родства*», на 9–12 страницах — аналитическая статья «Молодежь и контрреволюция», на 14–17 страницах — автобиографический рассказ «Джанкой», на 18–19 страницах — три рецензии. Последовательно рассмотрим эти публикации.

Журнал открывался редакционной статьей, призванной не столько наметить определенные идейно-эстетические позиции нового печатного органа, сколько передать настроения и чаяния молодежи савинского «Кружка». Редактор обозначил в общих чертах причины и факты свершившейся национальной трагедии, приведшей к утрате не ценимого по достоинству *прошлого*, указал на плачевные результаты приобретенного *настоящего*, но основное внимание сосредоточил на наиболее тревожных вопросах, касающихся неведомого пока *будущего*. Совмещая и переплетая времена, он пишет: «В такие мучительные дни общей разрозненности, пустоты и безверья приступаем мы к изданию нашего журнала, органа русской молодежи. *Сзади* нас — *цепь бездомных лет, ошибок и потерь*. Наше *сегодня* — в *дыме нищеты*. Наше *завтра* — *ночь*. Кто разгадает ее? Тяжко нам. Так тяжко, что порой думаешь: да жизнь ли это? Эта слякоть, этот ветер, разметавший нашу юность, наши цветы, наше солнце по старческим дорогам, эта торжествующая судорога хохота на вражьем лице? А вдруг эти ржавые вериги — навсегда? Вдруг темный Рок обрушил на наши головы бессрочную каторгу плененного духа и испепеленного пожарами сердца?» [25, с. 1]. Статья с ее обилием метафор, символов, аллегорий, риторических фигур и пр., буквально пронизана болью, страхом, почти безысходным отчаянием — чувствами и настроениями, определявшими душевно-духовное состояние самого Савина и его близкого окружения. Все это превращало редакционную статью, в принципе призванную выполнить некую информационную функцию, в эмоционально насыщенное лирико-публицистическое повествование. Собственная

жизнь и жизнь молодой эмиграции в целом виделась автору беспросветной, тупиковой, замкнутой «ржавыми веригами», отсюда и риторический вопрос: «да жизнь ли это?». Насущные проблемы эмигрантского настоящего соотнесены с ближайшим будущим: как жить? как обновить свой внутренний уклад? чему, каким целям подчинить стремительно бегущие «дни жизни»? Название журнала, придуманное Савиным, — «Дни нашей жизни» — акцентирует внимание на повседневных процессах индивидуальной, общественной, культурной жизни русских молодых людей, волею истории и судеб оказавшихся в эмиграции с ее низменной реальностью, повседневной обыденностью и борьбой за выживание и в то же время с ее романтической идеальностью, высоким душевно-духовным напряжением, обусловленным пафосом Белой идеи. Автор редакционной статьи нацелен на хроникальное воспроизведение фактов мучительного *настоящего*, трезвое осмысление ошибок *прошлого*, но главное — это устремление к *будущему — в завтра*, мыслимое как «светлый день». Однако, чтобы прозреть этот «светлый день», необходимо «пристально-пристально» всмотреться в пока «неразгаданное завтра», а для этого «осветить путь свой <…> *неслепнущей ненавистью* к творцам застенков и людоедства». Автор призывает читателей всеми силами души возненавидеть «коммунистических башибузуков», «распоясавшуюся чернь» и уверовать в неминуемый, «светлый и радостный день» возрождения России. Мотив обреченности, безнадежности, отчаяния, доминировавший в начале статьи, отходит на второй план, а на первый все более явно выдвигается мотив надежды. Это значит, что «завтра» все же не ночь, а день, пока «призрачный, но все-таки день. Слышите, близкие наши и дальние, — впереди день!» [25, с. 1]. Савин-публицист призывает поверить «в этот неизбежный день …всех, в ком живо сознание своего долга перед Родиной, своей благостной ответственности за будущее Ее». Он очень надеется на созидательную роль молодежи в деле будущего обустройства России, призывает соратников к консолидации, твердости, терпению в служении стране и народу: «Братья, будем стойки. Будем неуязвимо преданы нашему великому Краю, друзья! <…> пусть ничто преходящее не заслонит вечного и непреложного — Россию». Завершается статья обращением ко «Всем беззаветно любящим Россию, всем непоколебимо верующим в Россию, всем жадно ожидающим Россию, всем тем, кто каждый свой нерадостный день встречает молитвой: «*да святится имя Твое, да придет царствие Твое, Россия*» (чуть измененная молитва «Отче наш». — *Л.Л.*). Савин, опираясь на свой горький жизненный опыт, образно и

открыто выражал глубоко выстраданные идеологические позиции, не скупился на эмоции, активно использовал средства художественной выразительности, стремясь воздействовать на разум и чувства своих читателей.

На 8 странице журнала помещено савинское стихотворение «*Я — Иван, не помнящий родства*» (1923). «*Я — Иван*» — реальное имя поэта; фразеологизм «*Иван, не помнящий родства*» — «обычное прозвание бродяг, выдающих себя за не помнящих родства, т. е. родины, родителей, имени, звания» [12, с. 528]. В данном случае лирический герой — один из неисчислимого множества, утративший родину, оказавшийся «чужеземном море»:

Я — Иван, не помнящий родства,
Господом поставленный в дозоре.
У меня на ветреном просторе
Изошла в моленьях голова.

Все пою, пою. В немолчном хоре
Мечутся набатные слова:
Ты ли, Русь бессмертная, мертва?
Нам ли сгинуть в чужеземном море!?

У меня на посохе — сова
С огневым пророчеством во взоре:
Грозовыми окликами вскоре
Загудит родимая трава.

О земле, восставшей в лютом горе,
Грянет колокольная молва.
Стяг державный богатырь-Бова
Развернет на русском косогоре.

И пойдет былинная Москва,
В древнем Мономаховом уборе,
Ко святой заутрене, в дозоре
Странников, не помнящих родства [32, с. 8].

Миссия поэта «состоит в молении о родине, в пробуждении *странников, не помнящих родства*» [4, с. 171]. Из глубины духовной трагедии обращает он свои молитвы к Господу, при этом слова его молитв звучат набатом, который оповещает о невосполнимой

«утрате вечного и непреложного» и предрекает катастрофу, образы которой заключены в двух эмоционально напряженных стихах: «Ты ли, Русь бессмертная, мертва? / Нам ли сгинуть в чужеземном море!?…» [32, с. 8]. Однако наряду с темой смерти, гибели в центральной строфе стихотворения возникает «огневое пророчество» о русской земле, «восставшей в лютом горе», появляются значимые образы-символы: герой-защитник «богатырь-Бова», древняя столица «в Мономаховом уборе» (шапка Мономаха символизирует самодержавие), светлая, «святая заутреня» (традиционное название Пасхальной Утрени; токование празднования Пасхи — это символическое прохождение от смерти к жизни, от земли к небу, что выражено в Пасхальном каноне Иоанна Дамаскина: «Пасха, Господня Пасха! От смерти бо к жизни, и от земли к небеси» [15]). Во времена гонений, обрушившихся на родную землю, среди бед и страданий поэт находит персонажей, которые по-прежнему хранят в своих сердцах заветы Святой Руси. Стихотворение, начатое мотивом неизлечимой боли, сменяется мотивом грядущей борьбы — так возрождается древняя русская патриотическая традиция.

Далее в журнале за подписью Зеньковский размещена проблемно-публицистическая статья под названием «Молодежь и контрреволюция», где центральная проблема вновь сформулирована в форме вопроса: «Почему русская учащаяся молодежь <…> примкнула к контрреволюции?» [24, с. 9]. Эта статья, пожалуй, одна из первых журналистских работ, где предпринята попытка осознать роль и значение участия молодежи в русской революции. Автор, используя свой личный юношеский опыт, а также наблюдения за поступками и реакциями сверстников, анализирует и интерпретирует не только события, но в первую очередь чувства, настроения, ощущения, бытовавшие в молодежной среде в революционное десятилетие.

Разделяя широко распространенное в начале XX в. суждение о стихийной революционности русской учащейся молодежи, Савин называет ее «авангардом революции», «рассадником социализма». Юношеский радикализм, оппозиционность режиму, обостренное стремление принести общественную пользу, идеи «сближения с народом», массовое «хождение в народ» для просвещения и «якобинской агитации» крестьянства, мыслимого в качестве основной движущей силы в грядущей революции и пр. — весьма характерны для русской молодежи, начиная с эпохи народничества, идеология которого доминировала в освободительном движении более полувека. По словам Н.А. Бердяева, «народничество всегда имело особое обаяние для души русского интеллигента», лишь «марксизм нанес непо-

правимые удары старому народническому сознанию, сформировав на его обломках шеренги своих сторонников» [8, с. 134, 141]. Книги и статьи народников, а затем социалистов и марксистов становились непременным атрибутом «образования» русской молодежи предреволюционного периода, как и ее участие во всевозможных «протестных» акциях, начиная от элементарной грубости учителям и кончая участием в митингах, собраниях и демонстрациях.

Многие современники Савина оставили эго-документы, где так или иначе отражены элементы либерализации, политизации, революционизации учащейся молодежи. Кратко отмечу некоторые факты, касающиеся интересов и настроений, бытовавших среди гимназистов — будущих русских писателей.

Так, Валерий Брюсов (1873–1924), говоря о домашнем воспитании, подчеркивал, что его родители — люди 60-х гг., «переживали сильнейшее влияние идей своего времени», читали «Маркса и Бокля, Дарвина и Молешотта» и пр., поэтому трехлетний Валерий уже знал имя Дарвина и в «комической форме проповедовал <…> его учение» во дворе, в восемь «прочел впервые Добролюбова и Писарева», в пятом классе гимназии издавал рукописную газету где «поместил статью “Народ и свобода”», ожесточенно нападал «на порядки гимназии, обличал надзирателя в глупых шутках, учителей в несправедливостях» и пр. [10, с. 186, 164, 187, 165, 216].

Александр Блок (1880–1921) не без иронии вспоминал свой «буйный» гимназический «класс», где были «отчаянные революционеры: один, с шишковатым лбом, молчаливый, читал Помяловского. Другой, черногорец с сильными кулаками и дерзкими глазами, грубил всем учителям» [9, с. 42].

Осип Мандельштам (1891–1938), будучи учеником престижного Тенишевского училища, наблюдал, как в русскую школу врывалась жизнь «с неожиданными интересами и буйными умственными забавами», где гимназисты читали «Чернова, Михайловского, <…> “Исторические письма” Лаврова. Все, что было мироощущением, жадно впитывалось — <…> Каутский, Маркс, Плеханов»; сам же гимназист, по признанию, «пришел в класс совершенно готовым и законченным марксистом» [18, с. 86, 86–87, 89].

Илья Эренбург (1891–1967) пристрастился к «политике и классовой борьбе» в гимназии»: «Шел бурный пятый год. Богословская аудитория университета превратилась в зал для митингов. Я часто туда убегал. Рядом со студентами сидели рабочие. Мы пели “Марсельезу” и “Варшавянку”. Курсистки раздавали прокламации», «я уже читал статьи Ленина» [33, с. 69, 71]. Аналогичных свиде-

тельств сохранилось множество. Савин и сам переживал подобные настроения.

Однако результаты Октябрьской революции оказались весьма далекими от ожидаемых, что вызвало огромное эмоциональное напряжение в русском обществе. С одной стороны, жила надежда на обновление социально-государственного организма страны, с другой — возникло безысходное отчаяние, обусловленное тотальным разрушением традиционных устоев и ценностей, безудержной ожесточенностью воюющих сторон, массовыми репрессиями властей, менявшихся с калейдоскопической пестротой. И тогда часть русской молодежи, к которой относил себя Савин, «не только отошла в сторону и умыла руки, но даже резко порвала с былыми традициями и в своей наиболее действенной части примкнула к Белому движению» [24, с. 9]. Чем обусловлен этот выбор? Ответ определялся «сущностью революционного процесса в России» так, как его понимал автор. В статье Савин зафиксировал неоднородность в восприятии и распространении социалистических и собственно революционных идей среди юношества. В целях конкретизации своей позиции он предложил, «отбросив всякую демагогию, внимательно проследить те этапы, которые пришлось пройти русской молодежи за последние годы» [24, с. 9]. Далее, основываясь на наблюдениях Савина, выделим 5 этапов трансформации в развитии молодежного движения 1910-х гг.

1 этап (с начала 1910 гг. до начала войны 1914 г.) — широкое распространение социалистических воззрений среди студенчества и учащихся старших классов. Юноши и девушки активно обсуждают вопросы социальной справедливости, идеи свободы, всеобщего равенства, проблемы народной власти, общинности и коллективизма и пр. Социалистическая агитация приносила «пышные плоды». Молодые люди, следуя «указаниям искушенных в борьбе вождей, самоотверженно конспирировали, устраивали забастовки, сражались с полицией» и, таким образом, способствовали «разрушению русской государственности», оплачивая свой «незрелый энтузиазм административными карами, ссылкой в места столь и не столь отдаленные и каторгой» [24, с. 9]. Революционизация воспринималась молодежью как явление прогрессивное.

2 этап (начало войны 1914 г.) — в обществе актуализировались такие понятия, как «национализм, державность, исторические задачи, православие»; русская молодежь — «всегдашний внутренний враг и оппозиционер царского режима», показала, что «в годину тяжких испытаний никаким другим идеям, кроме идей патриотизма, нет места,

и пошла на фронт <…> для защиты родины от могущественного и искусного противника» [24, с. 10]. Повсеместно утвердился патриотизм. Главное на этом этапе — любовь к отечеству, преданность своим корням, своему народу и даже верноподданность.

3 этап (октябрь 1917 г.) — в революционные «медовые дни “великой, бескровной”» всюду звучали слова, в святость которых молодые люди привыкли верить с детства: «свобода, равенство, братство, земля и воля, вся власть трудящимся, самоопределение»; студенты и курсистки, укрепляя «завоевания революции, руководили рабочими и солдатскими митингами, доблестно принимали бразды правления в бесчисленных комитетах, советах, союзах и до хрипоты, до потери сознания пели “Марсельезу” и “Вы жертвою пали”» [24, с. 10]. Апофеоз революционности.

4 этап (конец 1917 г.) — перерождение революционности во вседозволенность. После свершившейся революции приветствовалось все «новое». Вместо «полицейского режима», т. е. обязательного посещения уроков, вводилась «свободная дисциплина», дававшая волю разного рода бесчинствам: «в 17-ом году считалось высшим шиком в классе во время урока, читать порнографическую литературу, набивать папиросы и играть в карты, а ученицы женской гимназии приносили на большую перемену спирт!» [24, с. 11]. Школа стремительно превращалась в «комсомольский кабак». На этом этапе господствуют настроения разгульно-иронические.

5 этап (1918–1919 гг.) — глубокое разочарование в революции, переходящее в антипатию. «Почему же так скоро нам до рвоты опротивели митинги, комитеты, “Марсельеза”, карты на уроках…?». Даже самым юным стало очевидно, что в стране расцвела «бесконечная демагогия», на непрекращающихся митингах «политические нарциссы» разжигали народ «неисполнимыми обещаниями», а в это время все население «туже и безнадежней затягивала петля нужды, безработицы, озверения». Жизненность революции, по мнению Савина, должна проявляться в повседневной работе «по приведению в порядок в корне расшатанного государственного аппарата. А дела не было» [24, с. 11]. В результате молодежь, «голодная и раздетая», ожидая «всеобщего блага», увидела «советский бедлам». Отсюда настроения глубочайшей неудовлетворенности результатами революции, ее отрицание и, как следствие, уход в контрреволюцию — в Белое движение, поставившее себе целью освобождение России от большевиков.

Таковым Савин видел революционный процесс в России. Ретроспективное осмысление ближайшей истории страны, собственного

участия в ней, стремление уяснить и выразить правду об эпохе и человеке, напоминание о необходимости служения отечеству и народу становятся ключевыми позициями Савина-публициста. Он убежден в том, что новый журнал призван и готов «открыть свои и чужие глаза» на ситуацию в России, сыграть мобилизационную роль: «спаять в железный кулак все разрозненные силы… все возможности и кровью купленный опыт», а также выполнить агитационную функцию: «раздавить <…> большевицкий клоповник» [24, с. 12].

Собственный, «кровью купленный опыт» воплощен в рассказе «Джанкой» [23, с. 14–17]. Проза Савина, как и поэзия, автобиографична [2, с. 19–20; 6, с. 56], таков и этот рассказ. Автор описывает, как в последние дни обороны Крыма он заболел тифом, был отправлен в железнодорожный лазарет в городе Джанкое, который вскоре был взят красными. Все пережитое описано в пяти очерках, объединенных в цикл «Плен» (1920). В «Предисловии» к циклу автор трезво оценивал свою ситуацию: «Надеяться на пощаду со стороны советской власти я ни в какой степени не мог: кроме меня, в Белой армии служили еще четыре моих брата — младший из них, как оказалось впоследствии, был убит в бою с красными под Ореховом в июле 1920 г., второй пал в бою под ст. Егорлыцкой в феврале 1920 г., двое старших были расстреляны в Симферополе в ноябре 1920 г. Идти пешком к югу, совершенно больной, я не мог: лазарет в целом почему-то эвакуирован не был» [27]. Савин пережил «фильтрацию», включавшую «краткий допрос, долгое истязание, голодовку, заполнение анкет и распределение опрошенных и избитых по трем направлениям: в ряды Красной армии, преимущественно пехоты, в Мелитополь — для дальнейшего выяснения личности <…> и на полотно железной дороги — под расстрел» [27]. От верной смерти спасла медсестра, которая сожгла его фуражку и документы, поскольку, как она считала, опытный глаз красноармейца «сразу заметит “буржуя”», и судьба юноши будет решена. «Вы еще нужны семье и, — она осторожно оглянулась кругом, — Белой России. Идите, бедный мой мальчик» [27]. Опыт, «купленный кровью», и прощальное напутствие определили смысл дальнейшего бытия — служение Белой России.

Савин выступал в периодике и как литературный критик, его перу принадлежат литературные этюды, портреты, пародии, памфлеты, сказки, фельетоны, обзоры и рецензии.

На страницах 18–19 в разделе «Библиография» размещены 3 рецензии. В первой из них «“Галлиполи” № 2 Рец.» [29, с. 18] дан обзор 2-го номера газеты «Галлиполи», которая издавалась «Обществом галлиполийцев», организованным офицерами 1-го армейского кор-

пуса Русской армии генерала П.Н. Врангеля. После крымской эвакуации 1920 г. корпус был размещен на пустынном морском берегу, недалеко от турецкого городка Галлиполи. Русские воины оказались в тяжелейших условиях: на первых порах не было еды, воды, жилья, одежды, однако, они сумели сохранить боевой дух, веру, культуру. Савин связывал с Галлиполи «просветленную Белую Мечту», к галлиполийцам обращался и в стихотворении «Огневыми цветами…» (1923): «И вернетесь вы, где бы вы ни были, // Под знамена… И камни Галлиполи // Отнесете в Москву, как скрижаль» [27].

Вторая рецензия [31, с. 18–19] посвящена стихотворному сборнику Владимира Пиотровского (В.Л. Корвин-Пиотровский, 1891–1966) «Полынь и Звезды» [21]. Обращает на себя внимание тот факт, что между Савиным и Пиотровским имеются общие биографические черты (участие в Гражданской войне на стороне белых, тиф, красный плен, эвакуация [16, с. 217], объединяющая обоих литературно-публицистическая и журналистская деятельность [1, с. 388–389]), а также тематическая близость в творчестве. Пиотровский, как и Савин, пишет о родине, о времени, о себе, связывает свою судьбу с участью тысяч русских людей, оказавшихся в изгнании, ищет поддержку в вере, возносит мысль свою к Богу: «Не знаю я. Но, может быть, не даром // Пути мои запутались в дыму, // И жизнь моя отмечена пожаром, // И мысль моя возносится к Нему [17, с. 25]. Оба поэта говорят «о бесконечно важном», остро чувствуют «скорбь о родине» [3, с. 329], обоим присущи «молитвенный жар», «жажда искупления», упование на Господа.

В отличие от первых двух рецензий, посвященных, по сути, соратникам по борьбе и мирочувствованию, в третьей [30, с. 19] внимание Савина сконцентрировано на японских новеллах о любви, опубликованных немецким импрессионистом — художником и поэтом Максом Даутендеем (1867–1918) [13]. «Восемь ликов озера Бива» — это изображение экзотической, мистической Японии. Есть в новеллах и отзвуки исторических событий (мимо которых не прошел Иван Савин): покушение на цесаревича Николая и Русско-японская война. В новелле «Осенний месяц всходит над Ишиямой» содержится описание фантастических «русских», напоминающих карикатуры периода Русско-японской войны: «У русских ниже колен пушечные дула; когда они подымают ноги, то могут стрелять из них. <…> в то время, как их ноги ходят и стреляют, у большинства из них в руках еда и питье, которыми каждый набивает и заливает свою глотку. Благодаря этому они всегда сильны, никогда не ослабевают и остаются непобедимыми» [13, с. 161–162]. Однако хитроум-

ным японцам удалось заманить «тупых русских» в ловушку, где все и погибли. Савин соотносит созданных Даутендеем «русских» с отвратительными «коммунистическими башибузуками», судьба которых исторически предрешена.

«Дни нашей жизни» — это творческий авторский проект, цель которого в различных формах, публицистических и художественных, выразить Белую идею: *антибольшевизм есть духовная доминанта русской эмиграции*, и только она способна сподвигнуть все силы соотечественников к консолидации ради спасения отечества. Эта направленность пронизывает первый номер журнала.

Савин прожил очень короткую жизнь, но «по своей духовной и полной слиянности с Россией, <…> являл собой яркий пример и образец русского патриота, болевшего горем и страданиями свой страны, глубоко ненавидящего большевизм, непримиримо с ним боровшегося в печати, искренне <…> веровавшего в российское воскресение, в победу идей правды и человечности» [20, с. 2].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Венцлова Т.* Собеседники на пиру. Литературоведческие работы. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 624 с.
2. *Крошнева М.Е.* Творческая судьба Ивана Савина (1899–1927): автореф. дис. канд. филол. наук. Ульяновск: УлГТУ, 2005. 24 с.
3. *Мочульский К.В.* Кризис воображения. Статьи. Эссе. Портреты. Томск: Водолей, 1999. 416 с.
4. *Нефагина Г.Л.* Параллели и пересечения. Русская литература во времени и пространстве. Минск: Четыре четверти, 2017. 458 с.
5. *Хямяляйнен Э.* Иван Савин: из истории публикаций // Religare. Россия в красках. URL: http://ricolor.org/europe/finlandia/fr/cul/1/2/ (дата обращения: 11.05.2025).
6. *Hattuniemi J.* Гневная любовь: Острые статьи, фельетоны и очерки Ивана Савина в русскоязычной прессе Хельсинки в 1922–1927 гг.: магистер. дис. Helsingin Yliopisto, 2024. 74 с.

Источники

7. *Белавина Н.С.* Памяти Ивана Савина // Новое русское слово. 1977. № 23316. 23 июля. С. 3.

8. *Бердяев Н.А.* Собр. соч.: в 4 т. Париж: YMCA-PRESS, 1990. Т. 4. 598 с.
9. *Блок А.А.* Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: Худож. лит., 1962. Т. 6: Проза. 1918–1921. 556 с.
10. *Брюсов В.Я.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 414 с.
11. *Бунин И.А.* Наш поэт // Возрождение. 1927. № 793. 4 авг. С. 3.
12. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1979. Т. 2: И–О. 779 с.
13. *Даутендей М.* Восемь ликов озера Бива. японские новеллы о любви / пер. с нем. Евгения Раича. Берлин: Изд. С. Эфрон, [1921]. 224 с.
14. *Ильин И.А.* Наши задачи: в 2 т. Париж: Изд. Рус. Обще-Воин. Союза, 1956. Т. 1: Статьи 1948–1954 гг. 346 с.
15. *Иоанн Дамаскин*. Пасхальный канон // Азбука веры. URL: https://ispowed-prichastie.ru/wp-content/uploads/2017/04 (дата обращения: 10.04.2024).
16. *Корвин-Пиотровский Вл.* Автобиографическая справка // *Корвин-Пиотровский Вл.* Поздний гость. Стихи, поэмы, драматические поэмы: в 2 т. Вашингтон: Victor Kamkin, Inc., 1969. Т. 2. С. 217.
17. *Корвин-Пиотровский В*. Поздний гость: Стихотворения и поэмы М.: Водолей, 2012. 680 с.
18. *Мандельштам О.Э.* Собр. соч.: в 4 тт. М.: Терра-Terra, 1991. Т. 2: Проза. 730 с.
19. [Объявление] // Русские вести. 1923. № 243. 19 апр. С. 4.
20. *Пильский П.М.* Иван Савин // Сегодня. 1927. № 155. 16 июля. С. 2.
21. *Пиотровский Вл*. Полынь и Звезды. Берлин: Книгоизд. писателей, 1923. 68 с.
22. *Савин И.И.* Возмездие («Войти тихонько в Божий терем»). Стихотворение // Русские вести. 1922. № 110. 29 окт. С. 3.
23. *Савин И.И.* Джанкой // Дни нашей жизни. 1923. № 1. 15 мая. С. 14–17.
24. *Савин И.И.* [*Зеньковский*]. Молодежь и контрреволюция // Дни нашей жизни. 1923. № 1. 15 мая. С. 9–12.
25. [*Савин И.И.*]. [«Май 1923 года…»] // Дни нашей жизни. 1923. № 1. 15 мая. С. 1.
26. *Савин И.И.* Наша задача // Новые русские вести. 1924. № 301. 16 янв. С. 2–3.
27. *Савин И.И.* Стихотворения. Избранная проза. URL: https://www.rulit.me/books/stihotvoreniya-izbrannaya-proza-read-214411-11.html (дата обращения 01.05.2025).
28. *Савин И.И.* Только одна жизнь. 1922–1927. Отклики из статей и рецензий. Нью-Йорк: [Б. и.], 1988. 230 с.
29. *Савин И.И.* [-Ъ-]. [Рец. на:] Галлиполи, № 2 // Дни нашей жизни. 1923. № 1. 15 мая. С. 18.

30. *Савин И.И.* [-Ъ-]. [Рец. на:] Макс Даутендей. Восемь ликов озера Бива // Дни нашей жизни. 1923. № 1. 15 мая. С. 19.
31. *Савин И.И.* [-Ъ-]. [Рец. на:] Пиотровский Вл. Полынь и Звезды // Дни нашей жизни. 1923. № 1. 15 мая. С.18–19.
32. *Савин И.И.* Я — Иван, не помнящий родства // Дни нашей жизни. 1923. № 1. 15 мая. С. 8.
33. *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь: Воспоминания: в 3 кн. М.: Сов. писатель, 1990. Кн. 1. 640 с.

REFERENCES

1. Venclova, T. *Sobesedniki na piru. Literaturovedcheskie raboty* [*Interlocutors at a Feast. Literary Works*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 624 p. (In Russian)
2. Kroshneva, M.E. *Tvorcheskaia sud'ba Ivana Savina (1899–1927)* [*The creative destiny of Ivan Savin (1899–1927)*], PhD summary. Ulianovsk, Izdatel'stvo Ulianovskogo Gosudarstvennogo Tehnicheskogo Universiteta Publ., 2005. 24 p. (In Russian)
3. Mochul'skij, K.V. *Krizis voobrazhenija. Stat'i. Jesse. Portrety* [*Crisis of Imagination. Articles. Essay. Portraits*]. Tomsk, Vodolei Publ., 1999. 416 p. (In Russian)
4. Nefagina, G.L. *Paralleli i peresechenia. Russkaia literatura vo vremeni i prostranstve* [*Parallels and Intersections. Russian Literature in Time and Space*]. Minsk, Chetyre chetverti Publ., 2017. 458 p. (In Russian)
5. Hjamjaljajnen, Je. Ivan Savin: iz istorii publikacii [Ivan Savin: from the History of Publications]. *Religare. Rossiia v kraskah*. Available at: http://ricolor.org/europe/finlandia/fr/cul/1/2/ (Accessed 11.05.2025). (In Russian)
6. Hattuniemi, J. *Gnevnaja ljubov': Ostrye stat'i, fel'etony i ocherki Ivana Savina v russkoiazychnoi presse Hel'sinki v 1922–1927 gg.* [*Angry Love: Poignant Articles, Feuilletons and Eessays by Ivan Savin in the Russian-language Press of Helsinki in 1922–1927*], Master's thesis. Helsinki: Helsingin Yliopisto, 2024. 74 p. (In Russian)

Дата поступления статьи: 12 июня 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 10 января 2025 г.
Дата публикации: 29 декабря 2025 г.

Received: June 12, 2024
Approved*:* January 10, 2025
Date of publication: December 29, 2025